

Две фигуры склонились над письменным столом — одна выше, другая ниже. Тень от человека за спиной была настолько большой, что могла целиком накрыть Чжао Наня.

Он положил обе руки под щеку. С такого расстояния легко ощущался лёгкий сосновый аромат, исходивший от Фу Цзюэчжи.

Так незаметно прошло уже полмесяца.

До праздничного банкета оставалось совсем мало времени. Днём Чжао Нань многому учился у Фухая, поэтому по вечерам начинал клевать носом очень рано.

Веки отяжелели. Чёрные волосы рассыпались за спиной. Сонный до полного помутнения сознания, он пробормотал:

— По правилам главный человек, который должен планировать твой день рождения, — я.

Губы Чжао Наня лениво открывались и закрывались.

— Но евнух Фухай очень много мне помогал.

Фу Цзюэчжи сидел прямо и спокойно смотрел на него сверху вниз.

— И что?

Эмоции Чжао Наня было чрезвычайно легко читать. Сейчас, например, он явно чувствовал неловкость.

— Мне кажется, я слишком его напрягаю.

Работа вроде бы его, а заканчивать её всё время приходится кому-то другому.

Чжао Нань нехотя раскрыл глаза. Выражение стало серьёзным. Он искренне посмотрел на Фу Цзюэчжи.

— Но я уже почти всё понял.

— На следующий день рождения князя я точно сумею всё подготовить сам.

Лицо юноши ещё сохраняло детскую мягкость, но сказанные слова почему-то звучали как настоящее обещание, которое не нарушают.

Фухай был евнухом, которого Фу Цзюэчжи привёз в столицу из отцовского удела. Он служил ему уже больше десяти лет.

Не то что организовать какой-то банкет — даже если бы Фухая приказали умереть вместо Чжао Наня, никто вокруг не увидел бы в этом ничего неправильного.

Но сам Чжао Нань считал иначе.

Фу Цзюэчжи подпёр висок пальцами. Холодный ясный взгляд медленно прошёлся по лицу Чжао Наня сантиметр за сантиметром.

Лунный свет проникал в комнату через окно.

Он ухватился за одно слово и с улыбкой повторил:

— Следующий?

Сейчас император почти не удерживал власть в собственных руках. Родня вдовствующей императрицы вмешивалась в управление и расшатывала саму основу государства. Большинство чиновников думали только о собственном спасении и закрывали глаза на судьбу Дачана.

Двор стоял на краю пропасти.

А вокруг страны кружили соседи, словно стая голодных волков. Когда начнётся война с Наньцзяном, каждый постарается вцепиться в Дачан и откусить кусок пожирнее.

Фу Цзюэчжи не мог даже гарантировать, что у Дачана вообще будет следующий год.

Но когда сегодня ночью Чжао Нань так спокойно произнёс это «в следующем году», внутри почему-то родилось едва заметное, странное чувство.

Костяшки пальцев постучали по краю стола.

— Лоу Чжоу.

Дверь открылась. Вошедший держал обеими руками небольшой кожаный дорожный короб.

Чжао Нань поднял голову. Увидев, как Лоу Чжоу ставит короб прямо перед ним, он невольно выпрямился.

Фу Цзюэчжи слегка ослабил ворот одежды.

— Я велел мастерам изготовить несколько пар ушных подвесок.

Он поднялся.

Высокая фигура накрыла Чжао Наня тенью. Вместе с движением снова донёсся слабый аромат сосны.

Рядом ощущалось тепло чужого тела.

Чжао Нань замер, когда Фу Цзюэчжи вдруг мягко потёр его мочку уха, и растерянно поднял глаза.

Чуть шероховатая подушечка пальца скользнула по коже.

Он встретился с тёмными глазами Фу Цзюэчжи и услышал:

— Надеюсь, супругу понравится.

В тот день Чжао Нань вернулся к себе, прижимая короб к груди. Слуги во дворе почему-то улыбались ему так загадочно, что он ещё долго чувствовал себя не в своей тарелке.

Так он недоумевал два дня.

А утром третьего старший управляющий княжеской резиденции отвёз его в учебную палату.

Похоже, слова Фу Цзюэчжи действительно много значили. Чжао Нань шёл за Лоу Чжоу и увидел, как учёные мужи из академии Ханьлинь встречают их с улыбками. Впервые в жизни он так отчётливо почувствовал:

«Вот оно что. Я теперь по блату».

Но стоило делу коснуться слова «учёба», как Чжао Наня сразу начало клонить в сон, а ноги стали ватными.

Когда он окончательно пришёл в себя, то уже сидел за длинным столом в учебной комнате.

Вокруг на него смотрели десятки горящих любопытством глаз. Тишина была почти удушающей.

И тут кто-то внезапно спросил:

— Князь ночью зубами скрипит?

— ...

Чжао Нань молча посмотрел на приблизившееся лицо.

Видимо, в обычной жизни Фу Цзюэчжи выглядел слишком безупречно — холодный, изящный, почти как бессмертный, сошедший с небес. Для большинства он был могущественным сановником, державшим в руках огромную власть.

Стоило одному человеку начать, как остальные тут же оживились и едва не устроили бунт. Каждый поклялся вытащить из Чжао Наня хоть крупичку сплетен.

Люди, как известно, о таких вещах могут болтать бесконечно.

Но Чжао Нань никогда раньше не спал с Фу Цзюэчжи, поэтому понятия не имел, скрипит князь зубами или нет.

Он потёр подбородок и осторожно ответил:

— Не знаю.

Тишина.

За спиной кто-то шумно втянул воздух и тут же зашептался с соседом:

— Князь, должно быть, неутомим и каждую ночь предаётся страстям...

— А маленький княжеский супруг слишком слаб. Его так измучили, что он каждый раз теряет сознание прямо в постели. Конечно, откуда ему знать, скрипит князь зубами или нет...

Чжао Нань:

— ...

Домой.

Иди домой, ребёнок. Пожалуйста.

Тебе гораздо больше подходит писать порнографические романы.

От стыда, перешедшего в злость, Чжао Нань хлопнул ладонью по столу и уже собирался выяснять отношения, но, обернувшись, увидел, как в дверь крадучись проскользнул Хо Чэнчуань.

— О?

Тот тут же обхватил его за плечи и радостно затряс из стороны в сторону.

— Наконец-то нашёлся наследник моего последнего места?!

Чжао Нань:

— ...

После такой встречи у него почему-то появилось очень сильное желание кого-нибудь пнуть.

Но к Хо Чэнчуаню у него был вопрос.

Оба успокоились, переглянулись и в следующую секунду почти столкнулись лбами.

Чжао Нань понизил голос до шёпота:

— Вчера я проверял приглашения... Император носит фамилию Ли, а князь — Фу. Неужели...

Хо Чэнчуань поднял бровь. Увидев чрезвычайно серьёзное выражение лица Чжао Наня, он едва не рассмеялся.

— Это вовсе не какая-то тайна императорского рода. Расскажу.

Он неспешно раскрыл складной веер и сразу стал похож на уличного сказителя.

— Когда-то отец князя следовал за императором Тайцзу в походах на север. Он получил четыре отравленные волчезубые стрелы, но даже тогда не выпустил из рук командирское знамя и не отступил ни на шаг. На грани смерти продолжал руководить войсками и вернул все утраченные земли.

— После усмирения Цзиньчжоу старый генерал Фу принёс в качестве свадебного дара тигровую пайцзу и попросил руки старшей принцессы Чэньчжао. Покойный император издал особый указ: род Фу из поколения в поколение наследует титул князя Чжэньбэя, получает удел Сябэй и право пользоваться половиной императорского церемониального почёта.

— Такая честь почти беспримерна. Только жаль...

Чжао Нань тут же спросил:

— Чего жаль?

— Генерал и принцесса слишком рано ушли из жизни. Князь унаследовал титул всего в четырнадцать лет.

Хо Чэнчуань сложил веер и вздохнул:

— По старым правилам дядя-князь должен был оставаться в своём уделе. Но уже через год вдовствующая императрица якобы пожалела юного сироту и специально вызвала его в столицу, чтобы растить при дворе.

Чжао Нань слушал как во сне.

— В пятнадцать приехал в столицу... Значит, прошло уже восемь лет?

— Да.

Хо Чэнчуань нахмурился.

— За эти восемь лет дядя-князь ни разу не вернулся домой. Даже для поклонения предкам.

Сзади раздался шорох, а затем холодный голос:

— Но любой человек с глазами понимает: восемь лет назад вдовствующая императрица вызвала князя в столицу потому, что боялась его личных войск в уделе. И все эти восемь лет именно её партия не позволяет ему вернуться.

Чжао Нань замер и поднял глаза.

Пришедший был высоким, с красивыми резкими чертами. Каждое слово звучало твёрдо и уверенно.

Хо Чэнчуань принялся отчаянно строить гримасы и спрятал лицо за веером.

— Следи за языком. Следи за языком.

— А чего бояться?

Тот хоть и сказал это, всё же кашлянул и тоже понизил голос:

— Им плевать, живёт народ или умирает. А мне даже тихонько поиздеваться над ними нельзя?

Чжао Нань невольно проникся уважением.

— Позволь узнать имя достойного господина?

Юноша улыбнулся, развернулся и сел рядом.

— Первый ученик учебной палаты Мэн Инцзюнь. Мой отец — Мэн Инь, заместитель главы Далисы.

Услышав это, Чжао Нань проникся уважением ещё сильнее. Ему почти захотелось прямо здесь принести с новым знакомым клятву братства.

Мэн Инцзюнь весело рассмеялся и медленно поднял перед лицом Чжао Наня один указательный палец.

С чрезвычайной скромностью произнёс:

— Не смею хвастаться, но первое место в списке уже много лет подряд занимает именно ваш покорный слуга.

<http://bllate.org/book/19943/1983921>